

Чу Тунчжоу нахмурился, холодно глядя на толстяка, чье лицо расплылось в угодливой улыбке.

Спустя долгое время он произнес:

— Раз уж управляющий У пожаловал лично, как я могу не оказать ему почтения? Цзиньвэй не станет ссориться с ваном из-за какого-то мужчинки-любовника. Забирайте его, управляющий У.

Нынешний император не заботился о народе, а его младший брат-близнец был ничуть не лучше. Он целыми днями волочился за юбками, и если говорить о славе распутника, то, не считая Сун Яцы из Цинчжоу, вторым по известности в Шэнду был пятый ван Юй Цзэчжоу. А управляющий У чаще всего занимался тем, что подыскивал для Юй Цзэчжоу красивых женщин и мужчин. До сегодняшнего дня Чу Тунчжоу считал Юй Цзэчжоу лишь никчемным отбросом, погрязшим в разврате.

Управляющий У улыбнулся:

— Господин Чу, тогда я забираю его.

Не успел он закончить фразу, как холодный белый блеск мелькнул у него перед глазами. Чу Тунчжоу с легкой усмешкой подцепил острием клинка чашку с чаем и пододвинул ее управляющему.

— Погода нынче жаркая, нелегко вам было добираться до тюрьмы Чжаоюй, правда? Садитесь, выпейте холодного чаю, освежитесь.

Управляющего У уже прошиб холодный пот от одного вида клинка. Сейчас он был бледен как полотно, со лба градом катился пот — какая уж тут жара? Он испытывал одновременно страх и гнев: страх от того, что Чу Тунчжоу может продолжить измываться над ним, и гнев от того, что тот посмел так с ним поступить! Зрачки управляющего сузились, руки сжались в кулаки так, что выступили вены, но мгновение спустя он подавил эти чувства. Он принял чашку, поданную на острие ножа, и выпил всё одним глотком.

— Благодарю за угощение, господин Чу. Я забираю этого человека. В другой раз я приду к вам снова, но уже с «подарком» от самого вана! — в голосе управляющего У отчетливо слышалась ярость.

Чу Тунчжоу мрачно смотрел вслед людям управляющего, которые уносили Чэнь Сюэдяня. Теперь, когда всё зашло так далеко, он прекрасно понимал, кто стоит за спиной юноши.

— Какое совпадение, — произнес он, — у меня тоже есть «подарок» для вана. Причем свой подарок я отправлю ему уже сегодня!

Если слова управляющего У были угрозой, то слова Чу Тунчжоу — это меч, уже занесенный над головой пятого вана, готовый опуститься в любую секунду. Услышав это, управляющий У не смог сохранить даже подобие вежливости; лицо его снова побелело от ужаса, и он поспешил обратно в поместье пятого вана. В конце концов, ван приказал ему лишь забрать Чэнь Сюэдяня, но не велел наживать врага в лице Чу Тунчжоу.

В карете управляющий смотрел на бесчувственного Чэнь Сюэдяня и тяжело вздохнул:

— Раз уж мы прогневали Чу Тунчжоу, тебе лучше постараться и поскорее поправиться, не смей умирать. Если ты умрешь, с характером нашего вана мне тоже не сдобровать...

С тяжелым сердцем управляющий У помчался обратно в поместье. Устроив Чэнь Сюэдяня, он тут же отправился к Юй Цзэчжоу. В центре двора стояло роскошное кресло из красного дерева, в котором, развалившись, сидел Юй Цзэчжоу. Видимо, его мучила жажда: он протянул руку, не дожидаясь чашки, схватил чайник и стал пить прямо из носика. Когда он осушил весь чайник, управляющий У остановился перед ним и в подробностях пересказал всё, что произошло во время противостояния с Чу Тунчжоу.

Затем он осторожно спросил:

— Ван, стоит ли нашим людям усилить бдительность?

Юй Цзэчжоу внезапно швырнул чайник прямо рядом с управляющим. Осколки разбитой исинской керамики оцарапали лоб управляющего, но тот не посмел даже пикнуть. Несмотря на вспышку гнева, на лице Юй Цзэчжоу играла улыбка. Внешность у него была приятная — иначе не нашлось бы людей, готовых умереть ради него после того, как он их бросил. На нем был парчовый халат, плечи украшала накидка из перьев магнолии, в глазах читалась природная игривость, густые черные волосы обрамляли глубокий, чарующий взгляд. Лишь холод в глубине глаз выдавал его истинные чувства.

— Чу Тунчжоу не из тех, кто бросает слова на ветер. Раз он посмел сказать такое тебе в лицо, значит, он уверен в успехе на все сто.

Юй Цзэчжоу не любил заикливаться на том, что уже было потеряно, но его кое-что заинтересовало:

— Как Чу Тунчжоу вообще оказался связан с никчемным сыном Сун Юньшаня?

Подумав об этом, Юй Цзэчжоу невольно рассмеялся:

— Кстати, этот Сун Яцы мне, можно сказать, «коллега». С чего бы это святоше Чу Тунчжоу так о нем печься? Неужели внешность Сун Яцы действительно так хороша, как говорят в слухах, что ходят по Шэнцзину?

Управляющий У вздрогнул, испугавшись, что его господин из простого любопытства прикажет привезти Сун Яцы в поместье... С характером Юй Цзэчжоу это было вполне вероятно. Управляющий поспешил возразить:

— Ван, как вы можете верить в подобные рассказы? Это лишь пустые слухи без начала и конца.

Юй Цзэчжоу усмехнулся:

— Разве Чэнь Сюэдянь не учился живописи в павильоне Фэнчунь? К тому же он дважды видел Сун Яцы. Пусть нарисует его.

Управляющий не стал говорить Юй Цзэчжоу, что Чэнь Сюэдань сейчас изранен и что именно из-за него Чу Тунчжоу стал опасаться пятого вана. Да что там раны — даже если бы у Чэнь Сюэданя оставалось последнее дыхание, он был бы вынужден рисовать! Управляющий У пришел к Чэнь Сюэданю и принялся убеждать его:

— Берись за кисть. Ван оставил тебя при себе только из-за твоей внешности, ты ничем не отличаешься от тех, кто живет на заднем дворе. Ты и так накликал на вана огромную беду, не зли его еще больше, а то ведь и вышвырнет из поместья...

Управляющий говорил правду, и Чэнь Сюэдань это прекрасно понимал. Он молча взял кисть. Единственное, что он мог сейчас сделать — это набраться терпения и просто выжить. В отличие от тех, кто воротил судьбами людей, для Чэнь Сюэданя на этой шахматной доске даже сама жизнь была роскошью. Несмотря на свою утонченную внешность, больше всего он любил рисовать пейзажи в стиле «разбрызганной туши». Но он даже не видел настоящих гор и рек, а размашистые полотна были далеки от его жизни, полной борьбы за существование в узких щелях. Поэтому горы и воды на его картинах казались призрачными, а цветы, птицы и люди и вовсе не давались — рисунки выходили нелепыми.

Но сегодня он вдруг захотел нарисовать одного человека. Он погрузился в работу с пугающей сосредоточенностью, не останавливаясь, даже когда раны на запястьях открылись... Управляющий У, стоявший рядом, прошел путь от полного равнодушия до паники, когда на бумаге начали проступать черты лица. Теперь всё кончено — даже старый лис Сун Юньшань попадет под удар!

На закате Юй Цзэчжоу наконец узнал, что за «подарок» приготовил Чу Тунчжоу.

— Ты хочешь сказать, что глава министерства доходов схвачен Чу Тунчжоу?

— ...Да.

Юй Цзэчжоу рассмеялся:

— И хорошо. Этот паразит был не только жадным, но и уродливым. Раз уж его схватили, у меня хоть глаза отдохнут...

Вот только он еще не подобрал никого на место главы министерства. В глубине глаз Юй Цзэчжоу промелькнуло раздражение:

— Этот Чу Тунчжоу... надо подумать, какой «ответный подарок» ему преподнести.

Пока Юй Цзэчжоу размышлял, управляющий У вошел в кабинет с картиной. Свиток развернули перед ваном. В тот же миг, как Юй Цзэчжоу увидел изображение, насмешливый холод в его глазах исчез, сменившись серьезным, сосредоточенным выражением.